

Проблема изобразительного творчества в дискурсе иудаизма

Н. Ю. Раевская

Санкт Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
Санкт Петербург, Российская Федерация

Введение. Восприятие ценности изобразительного искусства в разные периоды истории и в разных иудейских общинах варьировалось от его полного отрицания до признания высокой значимости. Негативное отношение к созданию изображений исходило из буквального следования запрещающей заповеди: («не делай себе никакого изображения...»), очевидный смысл которой сводился к запрету на создание идолов и поклонения им. Возникает вопрос, не было ли настороженное отношение к изобразительному творчеству связано с более глубокими причинами? Было ли оно обусловлено не только страхом идолатрии, но и восприятием человеческого творчества как посягающего на величие Бога-творца, обладающего эксклюзивным правом творения?

Содержание. Анализ текстов Торы и мидрашей показывает, что оценка изобразительного творчества в них зависит от контекста и намерений творящего. Творчество, вдохновленное Богом и осуществляемое с мудростью и ответственностью, приближает мир к Богу. Священное писание указывает на границы творчества, но не рассматривает его в качестве акта, греховного по своей сути: сам Бог наделяет первого и «образцового» художника (Бецалея) способностью к творчеству и мудростью для ее правильного использования. При этом достаточно четко транслируется мысль о том, что деятельность, вдохновленная человеческой гордыней и соперничающая с Богом, отдаляет от него и является разрушительной для мира и человечества, как в случае создания вавилонской башни или золотого тельца. Отмечается, что современный иудейский дискурс, рассматривая проблему творчества в рамках доктрины Тиккун Олам («исправления мира»), приходит к выводу, что совершенствующее мир «позитивное творчество» не только не запрещено, но является обязанностью человека, возложенной на него Богом.

Выводы. Обращение к источникам показывает, что идея ценности совершенствующего мир творчества (в том числе изобразительного), отстаиваемая современными иудейскими авторами, была присуща иудейской традиции с давних времен. Отрицательное отношение к изобразительной деятельности не было обусловлено восприятием творчества как греховного самого по себе, но было связано с опасностью его неразумного и безответственного применения.

Ключевые слова: иудаизм, иудаизм и искусство, еврейское искусство, творчество и иудаизм, идолатрия, Тиккун Олам.

Для цитирования: Раевская Н. Ю. Проблема изобразительного творчества в дискурсе иудаизма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 1. – С. 172–183. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_172. EDN: PBRUXM

The Problem of Visual Creativity in Jewish Discourse

Natal'ya Yu. Raevskaya

*Saint Petersburg State Pediatric Medical University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The perception of the value of visual art has varied throughout history and among different Jewish communities, ranging from complete denial to high appreciation. The negative attitude towards the creation of images stemmed from a literal interpretation of the prohibitive commandment: ("You shall not make for yourself any graven image..."), whose obvious meaning was a prohibition against creating idols and worshipping them. This raises the question of whether the cautious attitude towards visual creativity was connected to deeper reasons. Was it conditioned not only by the fear of idolatry but also by the perception of human creativity as encroaching upon the greatness of God the Creator, who possesses the exclusive right to create?

Content. An analysis of the texts of the Torah and midrashim shows that the evaluation of visual creativity in them depends on context and the intentions of the creator. Creativity inspired by God and carried out with wisdom and responsibility brings the world closer to God. Sacred scripture points to the boundaries of creativity but does not regard it as inherently sinful: God Himself endows the first and "exemplary" artist (Bezalel) with the ability to create and the wisdom to use it correctly. It is clearly conveyed that activity inspired by human pride and competing with God distances one from Him and is destructive to the world and humanity, as seen in the cases of the Tower of Babel or the Golden Calf. It is noted that contemporary Jewish discourse, considering the problem of creativity within the framework of the doctrine of Tikkun Olam ("repairing the world"), concludes that "positive creativity," which enhances the world, is not only permitted but is a duty imposed on humanity by God.

Conclusions. The appeal to sources shows that the idea of the value of world-improving creativity (including visual creativity), advocated by contemporary Jewish authors, has been inherent in Jewish tradition since ancient times. The negative attitude towards visual activity was not based on viewing creativity as sinful in itself but was connected to concerns about its irrational and irresponsible application.

Key words: Judaism, Judaism and Art, Jewish Art, Creativity and Judaism, Idolatry, Tikkun Olam.

For citation: Raevskaya, N. Yu. (2025) Problema izobrazitel'nogo tvorchestva v diskurse iudaizma [The Problem of Visual Creativity in Jewish Discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 172–183. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_172. EDN: PBRUXM

Введение

Широко известно настороженное отношение иудаизма к изобразительному искусству. Попытка осмысления этого факта в силу ряда причин привела к формированию искаженного представления о его полном отсутствии в еврейской традиции, бытовавшего в умах людей вплоть до последних десятилетий XX в. Этот тезис о несовместимости иудаизма и искусства, восходящий к Канту и Гегелю, в наши дни представляется совершенно несостоятельным [9]. История иудейского отношения к изобразительной деятельности не началась исключительно с отрицания («не делай себе никакого изображения...») и не закончилась им. Аниконизм (враждебность по отношению к визуальным образам) никогда не был единственной и определяющей чертой иудейского восприятия искусства, но одной из многих потенциально присущих возможностей. Осуществление этих потенций являлось результатом постоянно меняющихся исторических обстоятельств и культурных взаимодействий, которые привели к появлению покрытой фресками синагоги в Дура-Европос (III в.); средневековых илиминированных рукописей и гравированных церемониальных объектов; современной живописи, созданной художниками, воодушевленными иудейской традицией. При этом обращение к Священному Писанию демонстрирует, что амбивалентное отношение к визуальному искусству, варьирующееся от полного запрета до высокой оценки его значения, является аутентичным для иудаизма, и отклонения от аниконической позиции не были обусловлены исключительно влиянием чужих культур и жаждой компромисса с окружающей реальностью. Примечательно, что наряду с императивом «не делай себе» изображений, Тора содержит требование «сделать себе» скинию и ковчег, включая изображения херувимов. Вместе с тем негативный взгляд на изобразительное искусство действительно превалировал в разных общинах в разное время и исходил из буквального следования запрещающей заповеди. В библейские времена вторая заповедь устанавливала табу на создание и использование любых фигуративных изображений в связи с угрозой идолопоклонства и размывания представлений о трансцендентном едином божестве. Сформировавшееся религиозное сознание иудеев уже едва ли могло быть искажено использованием визуальных

образов, но, как показывает обсуждение этой темы, зафиксированное в Мишне, для части рабби следование запрещающему правилу оставалось делом принципа. Как представляется, дело было не только в том, что воспроизведение традиции казалось мерилom праведности, но и в глубокой убежденности, что святость достигается через слияние воли человека с волей Бога, т. е. беспрекословное выполнение абсолютно всех предписаний, зафиксированных в Торе в форме заповедей.

Несмотря на то что в раввинистической литературе едва ли можно найти прямые высказывания на этот счет, существует предположение о том, что вторая заповедь подчеркивала опасность не только идолопоклонства, но и опасность притязаний человека на роль творца. Был ли в действительности запрет на создание изображений связан не только с идеей единственности и нематериальности Бога, но и с идеей всемогущества Бога-творца, обладающего эксклюзивным правом творения? Содержит ли Священное Писание что-либо, что могло бы подтвердить или опровергнуть эту мысль? Можно ли обнаружить в Танахе размышления о возможностях и границах человеческого творчества?

Содержание исследования

Для исследования этого вопроса наибольший интерес представляют главы 19–39 из книги Шмот (Исход), описывающие санкционированное Богом создание Скинии со всем ее содержимым и несанкционированное изготовление золотого тельца. Первой значимой частью этого сюжета является завет (договор) Бога с народом Израиля и его наставления (заповеди), переданные Моисею на горе Синай. Вторая из десяти основных заповедей содержит запрет на создание любых фигуративных изображений: «Не делай себе изваяния и никакого изображения того, что на небе, вверху, и что на земле, внизу, и что в воде, ниже земли». (Шмот (Исх.) 20:4).

Следующий фрагмент данного сюжета описывает второе восхождение Моисея на гору, во время которого Бог дает ему подробные указания по созданию переносного святилища – Скинии. Указания звучат в форме императива – требования, обязательного для выполнения: «И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; все сделайте, как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов [принадлежностей] ее;

так и сделайте». (Шмот (Исх.) 25:8–9). Бог требует абсолютного следования установленному им образцу, прописанному в мельчайших подробностях, включающих точные формы, размеры и материалы Скинии, всех культовых принадлежностей и одежд священников. Примечательно, что, кроме всего прочего, предписывается изготовить и установить скульптурные изображения двух золотых херувимов по обе стороны крышки Ковчега (Шмот (Исх.) 25:18–20), а также «сделать искусной работы херувимов» на покрывалах, образующих скинию, и завесе, отделяющей Святая Святых (Шмот (Исх.) 26:1,26:31). Иными словами, следом за всеохватывающим запретом на создание изображений, звучит требование их создания и назначается главный художник, Бецалель. Бог обещает «исполнить его Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством» и «вложить мудрость» в сердца тех, кто ему помогает (Шмот (Исх.) 31:1–11).

Между тем далее книга повествует о том, как народ, спустя сорок дней разуверившийся в том, что Моисей вернется, просит Аарона «сделать бога», который будет вести дальше и охранять народ Израиля. Аарон делает золотого тельца, люди поклоняются ему, приносят жертвы и говорят «вот бог твой, Израиль». (Шмот (Исх.) 32:1). Моисей, спустившись с горы, в гневе уничтожает идола, затем возвращается и просит Господа простить грех народа. Бог согласен вести дальше тех, кто остался ему верен, но обещает «изгладить из книги своей», тех, кто согрешил. «И поразил Господь народ за сделанного тельца». (Шмот (Исх.) 32:34–35)¹.

Как следует из Священного Писания, непосредственно после событий связанных с золотым тельцом, Моисей призывает народ к созданию Скинии. Бецалель «и все мудрые сердцем, которым Господь дал мудрость и разумение, чтоб уметь сделать всякую работу, потребную для святилища» (Шмот (Исх.) 36:1–2) построили его в точности соответствующим образцу, предписанному Богом. «И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию» (Шмот (Исх.) 40:34) – Бог одобрил, сделанное людьми.

Представляется, что сосуществование в одном сюжете двух историй, описывающих различную реакцию Всевышнего на изобразительную деятельность, транслирует присущее иудаизму отношение к художественному творчеству. Оно по-

¹ Книга Дварим (Второзаконие) описывает этот эпизод следующим образом «не удерживай Меня, и Я истреблю их, и изглажу имя их из поднебесной, а от тебя произведу народ, который будет [больше] сильнее и многочисленнее их». (Двар. (Втор.) 9:14).

ощряется или запрещается в зависимости от интенций в нем содержащихся. Творчество, вдохновленное Богом и направляемое им – благо для человека и приближает мир к Богу. Творчество, идущее в разрез с божественной волей, – акт своеволия и гордыни человека, ведущий к разрушению и отдаляющий от Бога.

Дополнительным источником, подтверждающим подобную интерпретацию этих сюжетов, может служить мидраш Танхума. В этом тексте обращается внимание на то, что, рассуждая о том, почему Господь выбрал в качестве главного мастера именно Бецалея, Тора не раз повторяет, что он был сыном Урии и внуком Ора. Автор мидраша задается вопросом: почему понадобилось упомянуть Ора? И отвечает: потому что он (Ор) «пожертвовал своей жизнью ради Святого, да будет Он благословен». Когда люди загорелись желанием сделать золотого тельца, Ор встретился с ними и упрекнул их. Тогда они напали на него и убили. Святой, да будет Он благословен, сказал: «За то, что ты сделал это, Я сделаю тебя известным, и те, которые произойдут от тебя, будут известны во всем мире» [11]. Текст мидраша, таким образом, связывает между собой два события – создание золотого тельца, изображения, созданного по своеволию человека и для целей неугодных Богу и создание Скинии со всем ее содержимым, инспирированное самим Всевышним. Господь стирает с лица земли грешников, совершивших акт творчества, уклоняющийся от правильных целей, и награждает потомка Ора, оставшегося верным, даруя ему творческие силы и мудрость для их правильного употребления.

Еще один пример творчества, связанного с притязанием человека на роль всемогущего Творца, представляет эпизод Торы, повествующий о строительстве вавилонской башни. В книге Берешит (Быт.) 11: 1–9 сказано, что «сыны человеческие» решили построить «себе башню высотой до небес», и тем самым сделать «себе имя». Господь, увидев это и оценив непреклонность их намерений, решил наказать народ, «смешав языки» так, чтобы один не понимал другого, и затем рассеял людей по всей земле. Этот сюжет может служить яркой демонстрацией иудейского отношения к творческой деятельности, связанной с гордыней художника, конкурирующего с Творцом, планирующего создание того, что за пределами его сил и возможностей, и доступно одному

Богу. Такой акт творчества расценивается как грех, ведущий к тяжелым последствиям для человечества.

Два источника, опирающиеся на устную традицию, дополняют этот короткий рассказ из Торы. Иудейский историк Иосиф Флавий в своей книге «Иудейские древности» пишет, что созданию башни предшествовало указание Всевышнего расселиться на более широкой территории в связи с увеличением населения. Сказано, что люди ослушались повеления, поскольку не только считали, что владеют всем, что у них есть благодаря собственным заслугам, а не по благодати Господа, но и из подозрения, что Бог имеет «злой умысел», побуждая их к расселению, чтобы легче уничтожить их. Автор возлагает главную ответственность за произошедшее на Немврода, побудившего людей к «дерзкому ослушанию относительно Господа Бога». Внук Ноя, сын Хама, он, согласно Торе, отличался отвагой и огромной физической силой (Берешит (Быт. 10:9), и поэтому люди поставили его над собой царем. По словам Иосифа Флавия, Немврод убедил их «не приписывать своего благоденствия Господу Богу, а считать причину своего благополучия собственную свою доблесть». Немврод «хвастливо заявлял», что защитит народ от Бога, если тот вновь захочет «наслать на землю потоп». Для этого он призвал построить башню более высокую, чем может покрыть вода и «тем отомстить [Господу] за гибель предков». Считая «повиновение Господу Богу позорным рабством», толпа последовала предложению Немврода и приступила к строительству. Видя их безумие и желая их наказать, Всевышний разделил языки и «посеял между ними распрю», лишив взаимного понимания (*Иуд. древности IV*). Этот текст явно говорит о греховности творческого акта, связанного с высокомерным притязанием человека на роль Бога.

Дополнительные нюансы, касающиеся причин и целей строительства башни, можно обнаружить и в мидраше Пиркей де рабби Элиезер, который, как и предыдущий источник, указывает на своеволие людей, которые «отвергли Царство небесное» и назначили Нимврода царем над собой вместо Господа. Нимврод, говорится в мидраше, предложил построить башню, восходящую до небес, утверждая, что «сила Святого, благословен Он, только в воде» (он может угрожать только новым потопом). Тем самым он призвал народ сделать себе

«великое имя на земле», т. е. сделать то, что не только будет сравнимо, но и превысит возможности божества, и будет недостижимо для его воздействия. Кроме того, текст содержит следующую важную деталь. Сказано, что сооружение имело семь миль в высоту и имело ступени с запада и востока. Строители, обжигали кирпичи и поднимали их по восточному склону, а спускались по западному. Если человек падал и умирал, они не обращали на него внимания, но если падал кирпич, они «садились и плакали, и говорили: горе нам! Когда же другой будет поднят на его место?». Когда же в наказание Бог смешал языки, и люди перестали понимать друг друга, «каждый взял свой меч, и они сражались друг с другом, чтобы истребить (друг друга), и половина мира пала там от меча», и оттуда Господь рассеял их по лицу всей земли [10]. Эта история из мидраша, очевидно, подчеркивает полную безнравственность деятельности, которая вдохновляется не Богом, а идеей соперничества с ним. В процессе такого рода творчества люди, охваченные исключительно честолюбивыми замыслами, не только удаляются от Бога и его благих планов относительно развития сотворенного им мира, но и теряют человеческое лицо, способность к состраданию и стремление к взаимопомощи. Каково бы ни было величие человеческого творения, оно не может оправдать утрату человеческой жизни. История как бы содержит предупреждение о том, что творчество, базирующееся на амбициях, жажде славы, утверждении собственного превосходства над другими, ведет к упразднению нравственных норм и в конечном счете к саморазрушению человеческого общества. Специфическое наказание, выбранное Богом – полное непонимание друг друга, ведущее к кровопролитию, по всей видимости, было призвано продемонстрировать эту идею.

Анализ вышеприведенных сюжетов показывает, что Священное Писание не позиционирует художественное творчество в качестве акта, греховного по своей сути, а лишь указывает на границы творчества. Оно предостерегает художника от того, чтобы считать себя вторым Богом и призывает человека-творца действовать с осознанием, того, что он пользуется своей способностью как божьим даром. Хотя в своем творчестве человек должен следовать правильным (установленным Богом) путем, сам творческий процесс (по определению) не исключает свобо-

ды в постановке целей и выборе средств их достижения. Именно поэтому человек несет за них ответственность, что и демонстрируют библейские сюжеты, в которых безответственные деяния оказываются жестоко наказуемыми. Способности, которыми Бог наделяет одобренного им (образцового, являющегося примером для других) художника, Бецалеля, включают в себя изобретательность (предполагающую наличие свободы выбора)¹. При этом главным, неоднократно упоминаемым качеством, которое Бог дарует идеальному художнику, является мудрость. Тора тем самым подчеркивает, что художественное творчество требует не только креативности и искусного владения различными техниками, но и мудрости в их использовании. Иудейские интерпретации соответствующего стиха из книги Шмот (Исход) включают также рассуждения о том, что Дух Божий, «наполнивший» человека, избранного им в качестве главного художника, сделал его обладателем качеств, свойственных Богу: мудрости и способности создавать что то прекрасное, до него не существовавшее. Сам выбор имени для художника, который был избран Богом, кажется неслучайным. Существует мнение, что имя Бецалель означает «в образе Бога» («Бе цель (целем) Эль»). Многие из толкователей видят это как дар Божий, выражающийся в выдающихся способностях, данных художнику, способностях, отражающих черты Бога как создателя мира [7, с. 15]. Согласно устоявшемуся с древних времен толкованию, скиния, а позже и храм, построенный по ее образцу, замышлялись и воспринимались иудеями как подобие космоса, единого мира, созданного Всевышним [1; 12]. Исходя из этого, естественным кажется вывод, что, наделяя человека полномочиями для возведения и декорирования сооружения, воспроизводящего универсум, Бог передает человеку свои полномочия творца.

Как представляется, Тора достаточно ясно транслирует мысль о том, что человек имеет право заниматься изобразительной деятельностью: сам Бог наделяет его способностью к творчеству и мудростью для правильного использования этой способности. В современном иудаизме при этом широко распространено мнение, согласно которому «позитивное» творчество не только не находится под запретом, но и является

¹ Оригинальный текст Шмот (Исх.) 35:31-32 может быть переведен следующим образом: «Он наполнил его Божественным духом, мудростью, пониманием, знанием и умением работать во всех типах ремесел. И разрабатывать планы с изобретательностью и осуществлять их в золоте, серебре и меди».

обязанностью человека, возложенной на него Всевышним. Эту мысль в частности в XX в. активно разрабатывал рабби Йосеф Дов Соловейчик. В своей книге «Галахический человек» он писал, что центральной идеей галахического сознания является «идея значительности человека как партнера Всевышнего по Сотворению Мира» [13, с. 110]. Согласно его мысли, Бог, сотворивший мир, не сделал его абсолютно совершенным, дав человеку, которого он создал по своему образу и подобию, возможность участвовать в творении, и, исправляя недостатки, восполняя пробелы, делать мир прекраснее. Человек-творец в его понимании – это вершина религиозного совершенства, к которой стремится иудаизм. Задача человека, миссия, возложенная на него Богом, состоит в том, чтобы быть творцом. «Сотворенный человек получил заповедь стать партнером Творца и принять участие в обновлении мира» [13, с. 115]. Человек творящий (в том числе создающий произведения искусства) воспринимается не как грешник, осмелившийся конкурировать с Творцом, а как праведник, исполняющий мицву (заповедь), предписывающую быть помощником Бога в творении.

Идея партнерства человека и Бога, провозглашающая необходимость участия в совершенствовании сотворенного Богом мира, с давних времен известная в иудаизме под названием Тиккун Олам (в переводе с иврита «исправление мира»), в наши дни является практически общепринятой в иудейской среде [6; 14]. Неортодоксальный иудаизм четко определяет ее как основной «фокус» своей религиозной веры и практики. «Партнеры Бога в Тиккун Олам, исправляя мир, мы призваны помочь приблизить мессианскую эру», сказано в «Декларации о принципах реформистского иудаизма» [3]. Мнение о религиозной значимости «улучшения мира» превалирует и в ортодоксальных иудейских кругах, представители которых предупреждают, однако, что деятельность по исправлению мира должна не вступать в противоречие с религиозным законодательством и нести очевидную пользу миру. В отличие от мыслителей прошлого, считавших основным способом исправления мира выполнение заповедей, в наши дни к Тиккун Олам все чаще относят любую активность, совершенствующую жизнь человеческого общества. Улучшению мира с этой точки зрения способствует не только личное следование высоким моральным

стандартам и деятельность, направленная на создание более справедливых социальных отношений, но и развитие науки, техники, медицины, искусства. В рамках доктрины Тиккун Олам творчество (понимаемое в самом широком смысле) представляется способом осуществления задачи совершенствования мира, возложенной на человека Богом. Признается, что художественное (в том числе изобразительное) творчество, руководствующееся моральными ориентирами, выработанными иудейской традицией, может служить позитивному изменению мира, делая его прекраснее [4; 5; 8].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что иудаизм никогда не отрицал ценности как творчества вообще, так и различных форм искусства, а лишь предостерегал людей от неразумного использования своих творческих способностей. Обращение к источникам (Танаху, Талмуду, мидрашам) подтверждает, что идея ценности человеческого творчества, утверждаемая в рамках популярной ныне концепции «исправления мира», была присуща иудейской традиции с давних времен.

Список литературы

1. Иосиф Флавий. Иудейские древности. – М.: АСТ: Ладомир, 2007. – 784 с.
2. Танах. Иерусалим: Масад рав Кук, 1978. – 1159 с.
3. A Statement of Principles for Reform Judaism. Pittsburgh: Central Conference of American Rabbis, 1999. URL: <https://www.sefaria.org/worksheets/114358.1?lang=he&with=all&lang2=he> (дата обращения 19.10.2024)
4. Art and Judaism: conversation between Yaacov Agam and Bernard Mandelbaum. – N.Y.: B.L.D. Ltd, 1981. – 96 p.
5. Ehrlich E. The Art of Tikkun Olam: Creating to heal the world // The Jerusalem Post. 2019; Apr 5. URL: <https://www.jpost.com/opinion/the-art-of-tikkun-olam-creating-to-heal-the-world-585801> (дата обращения: 19.10.2024).
6. Fackenheim E. *To Mend the World*. – New York: Schocken, 1982. – 362 p.
7. Haklai Y. It will not be done to you: the relationship of Jewish thought to visual art. – Tel Aviv: Resling, 2020–249 p.
8. Kahn T. The meaning of Beauty. Milin Havivin – Beloved Words // An Annual Devoted to Torah, Society and the Rabbinat. 7 (2014). – P. 8–15.
9. Kalman B. Artless Jew: medieval and modern affirmations and denials of the visual. Princeton, Princeton University Press, 2000. – 233 p.
10. Midrash Pirkei DeRabbi Eliezer. URL: https://www.sefaria.org/Pirkei_DeRabbi_Eliezer.24.1?lang=bi (дата обращения: 19.10.2024).
11. Midrash Tanchuma, Tazria. URL: https://www.sefaria.org/Midrash_Tanchuma%2C_Tazria.5.1?lang=en&with=all&lang2=en (дата обращения 19.10.2024).
12. Philo of Alexandria. On the life of Moses, II. URL: <http://www.earlyjewishwritings.com/text/philo/book25.html> (дата обращения: 19.10.2024)

13. Soloveichik J. B. Halakhic Man. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1984. – 257 p.
 14. Rosenthal G. Tikkun ha-Olam: the Metamorphosis of a Concept // Journal of Religion. – 2005. – № 85 (2). – P. 214–240.

References

1. Iosif Flavij (2007) *Iudejskie drevnosti* [The Antiquities of the Jews]. Moskva: AST: Lodomir. 784 p. (In Russian).
2. *Tanah* [Tanakh]. (1978) Ierusalim: Masad rav Kuk. 1159 p. (In Russian).
3. A Statement of Principles for Reform Judaism (1999). Pittsburgh: Central Conference of American Rabbis. Available at: <https://www.sefaria.org.il/sheets/114358.1?lang=he&with=all&lang2=he> (accessed 19 October 2024).
4. Art and Judaism: conversation between Yaacov Agam and Bernard Mandelbaum. (1981) N.Y.: B.L.D. Ltd. 96 p.
5. Ehrlich, E. (2019) The Art of Tikkun Olam: Creating to heal the world. The Jerusalem Post. – Apr 5. Available at: <https://www.jpost.com/opinion/the-art-of-tikkun-olam-creating-to-heal-the-world-585801> (accessed 19 October 2024).
6. Fackenheim, E. (1982) To Mend the World. New York: Schocken. 362 p.
7. Haklai, Y. (2020) It will not be done to you: the relationship of Jewish thought to visual art. Tel Aviv: Resling. 249 p. (In Hebrew).
8. Kahn, T. (2014) The meaning of Beauty. Milin Havivin – Beloved Words. An Annual Devoted to Torah, Society and the Rabbinat. No. 7. Pp. 8–15.
9. Kalman, B. (2000) Artless Jew: medieval and modern affirmations and denials of the visual. Princeton, Princeton University Press. 233 p.
10. Midrash Pirkei DeRabbi Eliezer. Available at: https://www.sefaria.org/Pirkei_DeRabbi_Eliezer.24.1?lang=bi (accessed 19 October 2024).
11. Midrash Tanchuma, Tazria. Available at: https://www.sefaria.org/Midrash_Tanchuma%2C_Tazria.5.1?lang=en&with=all&lang2=en (accessed 19 October 2024).
12. Philo of Alexandria. On the life of Moses, II. Available at: <http://www.earlyjewishwritings.com/text/philo/book25.html> (accessed 19 October 2024).
13. Soloveichik, J. B. (1984) Halakhic Man. Philadelphia: Jewish Publication Society. 257 p.
14. Rosenthal, G. (2005) Tikkun ha-Olam: the Metamorphosis of a Concept. Journal of Religion. No. 85 (2). Pp. 214–240.

Об авторе

Раевская Наталья Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0009-0005-6109-1860, email: raev.spb@rambler.ru

About the author

Natalia Yu. Raevskaya, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0009-0005-6109-1860, email: raev.spb@rambler.ru

Поступила в редакцию: 12.12.2024
 Принята к публикации: 15.01.2025
 Опубликована: 11.03.2025

Received: 12 December 2024
 Accepted: 15 January 2025
 Published: 11 March 2025